

Путь вперед

Исследование жизни и наследия Ю. П. Спегальского

Ларри В. Котрен

Когда «Отверженный провидец. Юрий Павлович Спегальский и восстановление Пскова» была опубликована на английском языке в 2016 году, это стало поворотным моментом в исследовании жизни и наследия Ю. П. Спегальского. Впервые появилась единая монография о Спегальском, которая охватывала все важнейшие периоды его личной и профессиональной жизни и давала критический анализ его деятельности, теорий и публикаций. Она была основана на обширном исследовании с использованием материалов в Пскове, и интервью с людьми, связанными с Юрием Павловичем или знающими о нем. Несмотря на то, что в то время это была окончательная работа о Спегальском, история учит, что биографии всегда должны рассматриваться как незавершенные работы, пока в документах остаются пробелы и неоцененные или упущенные источники информации.

В расширенное, переработанное русское издание 2020 г. вошли новые исследования, проведенные после 2016 г., такие как более подробный отчет о деятельности Спегальского в 1944-1947 гг. в Пскове, о его жизни в «ссылке» в Ленинграде в 1947-1968 гг. и, особенно, о его профессиональной деятельности в Пскове в 1967-1969 гг. Тем не менее, к 2020 году оставалось три основных направления, по которым была найдена ограниченная информация: «утраченные годы» 1929-1936 гг., когда Спегальский был студентом в Ленинграде; переписка Спегальского с начальством в Москве и Ленинграде с 1944 по 1950-е годы; более подробный анализ профессиональной деятельности Спегальского в Ленинграде в 1952-1968 гг. Новые исследования, проводимые с 2020 года, не только предоставили новую информацию в этих областях, но и показали, где находятся документы, которые помогут в дальнейшем изучении жизни и наследия Юрия Павловича Спегальского.

Важные вопросы о жизни Спегальского в переломные для него 1929-1936 годы были окончательно решены в 2023 г., когда в архиве Санкт-Петербурга было обнаружено 32-страничное личное дело Спегальского из Ленинградского института инженеров коммунального строительства.¹ Здесь были документальные свидетельства о ранее малоизвестном периоде жизни Спегальского, раскрывающие мучительный путь молодого человека, когда он, живя в нищете, обучился ремеслу, которое позволило бы ему осуществить свою мечту о восстановлении Пскова. В конце концов он добился успеха в институте и

Спегальский в 1929 и 1935 гг.

¹ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 1-32. Я благодарен С. А. Гаврилову за то, что он поделился своими исследованиями.

получил диплом архитектора. Результатом этой вновь обретенной сокровищницы стала моя статья «Утраченные годы Ю. П. Спегальского. 1929-1936»², внесшая неожиданно большой вклад в литературу как о профессиональных, так и о личных аспектах жизни Спегальского.

Некоторые вопросы остаются без ответа в эти «утраченные годы». Во-первых, что стало с ответом начальника Псковской областной милиции, направленным в феврале 1932 года в институт (ЛИИКС) о довоенной деятельности отца Спегальского, написанным, как сообщается, на 14 страницах. Этого документа нет в академическом деле Спегальского.³ Есть также вопросы об обстоятельствах лихорадочного отъезда Павла Константиновича Спегальского из Пскова в 1918 году и его смерти от тифа в Челябинске в 1919 году.

**Павел
Константинович
Спегальский**

Вторая область биографии Спегальского, которая до сих пор нуждается в дополнительном исследовании, — это его попытки повлиять на восстановление Пскова в послевоенный период 1944–1950-х годов. В эти годы Спегальский часто переписывался со своим начальством в Государственной инспекции по охране памятников в Ленинграде и в Главном управлении по делам архитектуры Комитета по архитектуре Совета Министров СССР в Москве, которое руководило программами по сохранению и восстановлению памятников. Несмотря на то, что большая часть этого периода была подробно описана в монографии «Отверженный провидец», включая информацию из некоторой переписки с властями в Москве и Ленинграде, копии многих писем или ответов Спегальского не были найдены в Пскове. Несмотря на то, что в Государственном архиве Псковской области имеются дополнительные документы этих административных организаций, свидетельствующие об усилиях Спегальского по достижению целей, для которых он был назначен в Псков, и о критике его реставрационных работ, документы в архивах обеих организаций связанные со Спегальском должны быть тщательно изучены, чтобы полностью понять этот важный период в жизни Спегальского.

Третий период профессиональной жизни Спегальского, требующий особого внимания, приходится на период с 1952 по 1968 гг., когда он находился в «ссылке», жил и работал в Ленинграде. В этот период с июня по ноябрь 1947 года он работал архитектором в Областном отделе архитектуры; архитектором и верхолазом в Академии архитектуры с 1952 по 1956 гг.; преподавателем Ленинградского жилищно-коммунального техникума в 1956-57 гг.; и с 1957 г. до конца 1968 года - в качестве научного сотрудника сектора славяно-финской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, где он выполнял работы, которые были «...самыми плодотворными в творческой жизни Ю. П. Спегальского.»⁴ Аршакуни писала об этих годах лишь в общих чертах, описывая работу Спегальского и его личные отношения с коллегами, поэтому нет конкретных хронологических рамок проектов, над которыми он работал, или археологических экспедиций, в которых он участвовал в Институте археологии.

Теперь новое исследование, проведенное с 2020 года, выявило, где в Санкт-Петербурге можно найти информацию, которая может внести дополнительную ясность в этот период жизни Спегальского.

² Котрен Л. В. Утраченные годы Ю. П. Спегальского. 1929-1936 // Псковская Губерния. 22 сентября 2022.

³ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 10.

⁴ ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН; Аршакуни О. К. Народное зодчество Пскова. М. Стройиздат, 1987. С. 59. В 1957 году Институт археологии был переименован в Институт истории материальной культуры РАН. Название было изменено в июле 1959 года.

Аршакуни решила заблокировать доступ к большому количеству документов и произведений искусства Спегальского, передавая их в дар Ленинградскому отделению Института археологии в 1991 году. Они не будут доступны исследователям до 2041 года. Однако в 2021 году исследователь смог просмотреть папку с документами Спегальского в этом архиве и скопировать опись содержащихся в ней документов. К сожалению, ему не разрешили заниматься этими документами или исследовать их дальше, так как архив снова был объявлен «закрытым».⁵ Но, исследователь узнал что дело включало краткую автобиографию от 5 июля 1956 года⁶, «Лист учета личного состава» от июля 1959 года⁷, и дополнительные документы, связанные с его трудовой деятельностью. Несмотря на то, что здесь нет новой информации, это позволяет определить, в каких еще архивах, помимо тех, что хранятся в закрытом архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (с 1991 г. – Институт истории материальной культуры РАН), могут находиться документы о работе Спегальского в Ленинграде.

Наиболее обнадеживающие сведения о ранее неизвестных документах, касающихся деятельности Спегальского поступили из Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ).⁸ Здесь находятся архивы Академии архитектуры, где Спегальский работал с 1952 по 1956 год, в том числе запись об участии Спегальского в докладе «Творческие итоги архитектуры Ленинграда послевоенного периода» перед Секцией истории и теории архитектуры в 1952 году.⁹

Кроме того, в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге обнаружены документы Ленинградской секции Союза советских архитекторов¹⁰, связанные с деятельностью Спегальского в 1940–1950-е годы. Некоторые из них представляют собой заметки и письма о работе Спегальского в 1947 году.¹¹ Среди других документов — протоколы заседаний Ученого совета Союза архитекторов 1950-х годов¹², в том числе стенограммы некоторых выступлений Спегальского о реставрационных работах в Пскове. Интерес представляют архивные дела, содержащие информацию о двух неопубликованных документах Спегальского, созданных совместно с коллегами в 1956 году.¹³

В ЦГАЛИ СПб имеются и другие архивные документы, связанные со Спегальским, например, архив архитектора-реставратора В. И. Пилявского. Он и Спегальский работали вместе в Ленинграде во время блокады и остались друзьями после войны. В этих делах Пилявского есть документы, связанные с планами Пскова и Спегальского по архитектурным заповедникам.¹⁴

⁵ ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 295. Л. 1-17. Личное письмо С. А. Гаврилова.

⁶ ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 295. Л. 5-6 об.

⁷ ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 295. Л. 2 и об.

⁸ ЦГАЛИ

⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 292. Л. 1а-210.

¹⁰ ЛОССА.

¹¹ ЦГАЛИ СПб Ф. 341. Оп. 1. Д. 141. Л. 9, 12 и 15.

¹² ЦГАЛИ СПб Ф. 347. Оп. 2. Д. 264. Л. 24.

¹³ ЦГАЛИ СПб Ф. П-347. Оп. 2. Д. 393 и Д. 395. *Шилков В. Ф., Лейбошиц Н. Я. и Спегальский Ю. П.* «Вопросы творческой направленности в крупноблочном строительстве Ленинграда», (1956 – 69 страниц); *Шилков В. Ф. и Спегальский Ю. П.* «Номенклатура и типоразмеры крупных стеновых бетонных блоков для жилищного строительства 3-рядной разрезки» (1956 – 15 страниц).

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 453.

Необходимо найти дополнительную документацию о работе Спегальского верхолазом и каменщиком в Ленинграде, которая велась еще в 1941 году и продолжалась до конца 1950-х годов в Государственной инспекции по охране памятников. Он также выполнял такие работы для Ленинградской реставрационной мастерской с 1956 по 1959 год¹⁵. Хотя нам известны многие подробности этой интересной и важной составляющей профессиональной жизни Спегальского, документы в архивах могут добавить дополнительные подробности. Тем не менее, найти полную информацию о работе каменщиком и верхолазом Спегальского в эти годы может быть несколько затруднительно, поскольку Аршакуни вспоминала, что в эти годы периодической депрессии, Спегальский брался за краткосрочные работы, которые требовали больших физических усилий и которые, возможно, выполнялись за деньги, «под столом». Поэтому записи могут быть неполными.

**Спегальский за работой
на Исаакиевском соборе.
1950-е годы.**

Несмотря на то, что с 2016 года «Отверженный провидец» включал в себя обширное исследование творчества Спегальского, с 2020 года появились дополнительные материалы, которые расширяют наши знания о графическом, декоративном и прикладном искусстве Спегальского. Музей архитектуры им. А. В. Щусева в Москве недавно оцифровал фотографии некоторых своих коллекций, в том числе работ Спегальского и Аршакуни.¹⁶ Это привело к публикации двух изданий, в 2021 и 2022 годах на английском и русском языках, моего альбома художественных работ «Забывшие сокровища искусства О. К. Аршакуни и Ю. П. Спегальского». Ранее не публиковавшиеся литографии, акварели, рисунки цветным карандашом и фотографии помогают глубже оценить творческое наследие обоих художников. Многочисленные экземпляры этих альбомов были распространены в Пскове, и вступительная статья дает дополнительную информацию об их творческой карьере. Остается неясным, есть ли в архиве музея А. В. Щусева дополнительные работы обоих художников.

Как показывают эти примеры, с 2020 года стало очевидно, что в архивах Санкт-Петербурга и Москвы имеются ранее не оцененные источники информации о Юрии Спегальском. Дальнейшее изучение этих и других архивов в обоих городах, а также дальнейший обзор всех подходящих архивов в Пскове, предоставят наиболее полезные ресурсы для дальнейшего изучения профессионального наследия Юрия Павловича Спегальского.

Основное внимание в монографии «Отверженный провидец» было уделено профессиональной деятельности Спегальского в послевоенном Пскове, но в книге также рассматривалась его личная история. Таким образом, один из путей дальнейшего изучения жизни и наследия Спегальского будет включать в себя добавочные исследования его личной жизни, особенно в связи с тем, что она повлияла на его трудовую деятельность и способность продолжать заниматься любимым делом.

Спегальский никогда не писал автобиографии и был известен своей сдержанностью в обсуждении своей личной жизни, поэтому большая часть биографических, личных

¹⁵ ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 295. Л. 1-17.

¹⁶ <http://goskatalog.ru>

сведений о нем взята из воспоминаний О. К. Аршакуни, «Предчувствие: Воспоминания о Юрии Павловиче Спегальском» и из двух ее коротких статей «Из повести о 40-х годах» и «Вечерние сказки».¹⁷ На протяжении многих лет сводная информация была представлена в статьях, опубликованных сотрудниками музея-квартиры Спегальского, по таким темам, как происхождение его семьи, его трудовое воспитание и другие периоды его жизни.

В то время как были опубликованы короткие статьи, дающие ограниченное представление о частной стороне жизни Спегальского, такие как «Воспоминания о Ю. П. Спегальском» Н. Н. Масленниковой с 1999 г., первостепенное значение для дальнейшего изучения имеет его переписка с самыми разными людьми.¹⁸ Сюда не входят письма, отправленные при исполнении им профессиональных обязанностей, например, вышестоящему начальству в Москву и Ленинград, а только его личная переписка и, возможно, письма профессионально-личного характера тем, с кем у Спегальского были личные отношения, выходявшие за рамки его профессиональной деятельности. У нас есть примеры таких писем как от Юрия Павловича, так и от Ольги Константиновны.

Некоторые из писем Спегальского известному архитектору-реставратору Петру Дмитриевичу Барановскому, отправленные в 1945, 1950 и 1953 годах, стали доступными в 2022 году благодаря недавно оцифрованному архиву Музея архитектуры им. А. В. Щусева в Москве. Петербургский исследователь П. С. Кононова опубликовала выдержки из этих писем в статье «Дополнительные материалы о деятельности Ю. П. Спегальского в ходе реставрации в Пскове в 1940–1950-х годах»¹⁹, раскрывающие отчаянные, хотя и безуспешные, попытки Спегальского привлечь Барановского к охране памятников архитектуры в Пскове.²⁰ Очевидно, Спегальский использовал свою дружбу с Барановским, чтобы попытаться заручиться его вмешательством, так как его просьбы к другим оставались без ответа. Барановский был известен тем, что спасал памятники архитектуры в сталинские годы и в итоге провел несколько лет в исправительно-трудовых лагерях за свои усилия. В то время как в архиве Музея Щусева могут быть и другие файлы профессиональной переписки, в музее-квартире Спегальского в Пскове есть письмо Барановского к Спегальскому от 1960 года, после пятилетнего отсутствия контактов, что, несомненно, усилило чувство изоляции Спегальского. Несмотря на теплый тон, это явно письмо от одного профессионала к другому.²¹ Одно

П. Д. Барановский

¹⁷ Аршакуни О. К. Предчувствие. Воспоминание о Юрии Павловиче Спегальском. Л., Лениздат, 1987; Аршакуни О. К. Из повести о 40-х годах // Псков: Памяти Юрия Павловича Спегальского. 1909-1969. П., ПГОИАХМЗ, 1999. С. 21-35; Аршакуни О. К. Вечерние сказки // Псков. 2004. № 20. С. 204-216; Псков. № 21. С. 187-201.

¹⁸ Масленникова Н. Н. Воспоминания о Ю. П. Спегальском // П. Памяти Юрия Павловича Спегальского. ПГОИАХМЗ, 1999. С. 36-41.

¹⁹ Кононова П. С. Дополнительные материалы о деятельности Ю. П. Спегальского в ходе реставрации в Пскове в 1940-1950-х годах. https://академия-строганова.рф/uploads/catalogfiles/5206_08.-kononova.pdf.

²⁰ <http://goskatalog.ru> .

²¹ Кузьменко М. А. Письмо Петра Дмитриевича Барановского к Юрию Павловичу Спегальскому. П. ПГОИАХМЗ, 2009. https://museumpskov.ru/library/publications/pismo_petra_dmitrievicha_baranovskogo_k_yuriyu_pavlovichu_spegalskomu

из трех писем 1970-х годов Барановского к Аршакуни схоже по содержанию и тону, в нем нет ничего такого, в случае публикации, ни одна из сторон бы не возражала.²²

Другим примером таких профессионально-личных писем является серия писем Аршакуни, недавно обнаруженная в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге. Не имея прямого отношения к профессиональным или личным делам Спегальского, письма иллюстрируют тесную связь между личными обращениями и обращениями за профессиональной помощью, а также раскрывают невидимую ранее, уязвимую сторону Аршакуни. В архиве сохранились письма Аршакуни архитектору-реставратору Владимиру Ивановичу Пилявскому, написанные вскоре после смерти Юрия Павловича, в декабре 1969 г. и январе 1970 г., в которых она выражала свою неослабевающую скорбь, как, например, в этом письме от 24 декабря 1969 года: «Сейчас, в связи с годовщиной смерти Ю. П. (она наступит 17-го января), мне все труднее и труднее становится бороться с наплывами тяжелой скорби о нем. Встают перед глазами осязательные картины его последних дней ... Порою, кажется, не выстоять! Подомнет горе под себя, и, тогда, конец! Впереди встреча нового года без него ... особенно остро хватает за горло горе в дни праздников, может быть еще и потому что я одна в чужом городе, без друзей.»²³

В другом письме от 3 января 1970 года Аршакуни просила Пилявского помочь в издании книг Спегальского, отмечая, что его альбом рисунков только что отказали издать в Москве, восклицая: «Так закончился для меня этот трагический, тяжелый, страшный год».²⁴ Через четыре дня она написала ему снова, настаивая на том, что «Однако – считаю: лучшим памятником для Юрия Павловича было бы издание хотя бы одного его труда! Вот если бы этот вопрос Вы подняли бы перед ЛОСА, Владимир Иванович, было бы прекрасно?»²⁵ Последнее письмо в деле показывает, что, когда в 1974 году, был наконец издан альбом блокадных рисунков «По Пскову XVII века», в октябре она послала Пилявскому экземпляр и попросила его написать рецензию на книгу, так как «Ваша рецензия в Ленинграде имела бы очень большое значение».²⁶

В. И. Пилявский

Эти письма Аршакуни к Пилявскому интересны и важны для понимания жизни и деятельности Аршакуни после смерти мужа. Из писем следует, что она, безусловно, знала, как использовать свое вдовство, чтобы найти поддержку и помощь, и продолжала использовать этот навык на протяжении 1970-х годов и до тех пор, пока в конце 1986 года не был открыт Музей-квартира Спегальского. В архиве членов «Комиссии по творческому наследию Ю. П. Спегальского» должны быть подобные письма с призывом поддержки от видных деятелей советской культуры, таких как Д. С. Лихачев, М. К. Каргер, и П. А. Раппопорт, в деле сохранения и реставрации памятников архитектуры.²⁷

Уместно задаться вопросом, согласилась бы Ольга Константиновна на публикацию своих писем к Пилявскому, если бы она была еще жива, поскольку они выражают ее сердечную скорбь и показывают ее отчаянную потребность найти кого-нибудь, кто помог бы ей сохранить наследие Спегальского. Эта область лично-профессиональной корреспонденции

²² Кузьменко М. А. Письмо Петра Дмитриевича Барановского Ольге Константиновне Аршакуни (1). П., ПГОИАХМЗ, 2009.

https://museumpskov.ru/pskovoldmodern/kuzmenko_m/pismo_baranovskogo_arshakuni

²³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 261. Л. 1.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 261. Л. 2

²⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 261. Л. 3.

²⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 453. Оп. 1. Д. 261. Л. 5.

²⁷ Аршакуни О. К. Предчувствие. Л. Лениздат, 1987. С. 201; Комиссия по наследию Ю. П. Спегальского. Псковская Правда, 8 апреля 1973.

требует осмотрительности и понимания вовлеченных в нее людей со стороны исследователя, который намеревается использовать их в биографических целях.

Конечно, осторожность следует проявлять при работе с корреспонденцией сугубо личного характера. Гораздо больше о периодах жизни Спегальского можно узнать из личных писем, находящихся в настоящее время как в государственных, так и в частных, руках.²⁸ Например, огромную помощь в понимании частной стороны жизни

Л. А. Творогов и С. А. Цвылев

как Аршакуни, так и Спегальского, оказали личные сведения из серии писем, опубликованных в 1990-е годы Е. Г. Киселевой и вошедшие в оба издания монографии «Отверженный провидец». Переписка Спегальского и Аршакуни с известным исследователем древнего Пскова Сергеем Александровичем Цвылёвым раскрывает и менее серьезную сторону обоих художников, и юмористические рисунки, и их страхи и надежды на будущее. Если между супругами и Цвылёвым появятся дополнительные письма, возможно, они

будут переданы заинтересованной общественности в ближайшее время.

Известно, что в 1950-х и 1960-х годах Спегальский переписывался с друзьями и коллегами в Пскове, в том числе с теми, кто разделял его интересы и увлечения Псковом, такими как создатель Древлехранилища Псковского музея Леонид Алексеевич Творогов, архитекторы-реставраторы Михаил Иванович Семенов, Всеволод Петрович Смирнов, и Борис Степанович Скобельцын. Ни в одном псковском архиве эти письма не собраны. В то же время в музее-квартире хранится ряд личной переписки Юрия Павловича с его другом детства Юрием Бродским, потомки которого также могут иметь большую коллекцию писем из этой переписки. Ни один из них не был доступен для изучения исследователями.

Многообещающим источником информации как о Спегальском, так и об Аршакуни

Б. С. Скобельцын, В. П. Смирнов, Ю. П. Спегальский и М. И. Семенов

является бесчисленное количество личных писем, которые они писали друг другу за годы совместной жизни. Аршакуни предоставила доступ к этой сокровищнице, когда в 1987 году написала свои мемуары «Предчувствие. Воспоминания о Юрии Павловиче Спегальском». В самом деле, из них вспоминаются особенно трогательные моменты, например, когда Спегальский рассказывал о своем страхе умереть и уехать из Пскова без того, чтобы никто не ухаживал за памятниками, и он не вспоминал о них «каждым ударом сердца». Неизвестно, редактировала ли она письма, уничтожала ли их, после выхода книги,

или включила их в закрытый фонд архива Института археологии, и насколько велика коллекция этих писем в архиве Псковского музея, так как они никогда не были доступны исследователям.

²⁸ Киселёва Е. Г. «Бьет тебе челом низко старец Ягорка...»: Письма Ю. П. Спегальского С. А. Цвылеву – 1952-1954 г. Псков, 2017; Киселева Е. Г. Письма О. К. Аршакуни С. А. Цвылёву // Псков. 2015. № 43. С. 216-232; Киселёва Е. Г. «Псков притягивает меня ...»: письма О. К. Аршакуни С. А. Цвылёву (1951-1958 гг.). Псков, 2017; Киселёва Е. Г. «...От Пскова я никогда не откажусь ...»: письма Ю. П. Спегальского С. А. Цвылеву (1955-1960 гг.). Псков, 2017; Киселёва Е. Г. Ю. П. Спегальский и О. К. Аршакуни – С. А. Цвылёву // Псков. 2012. № 37. С. 233-248 и Псков. 2015. №. 42. С. 220-240.

Интересным возможным источником информации о личной жизни Аршакуни и ее жизни со Спегальском могут быть ее мемуары, которые, как сообщается, состоят из ежедневных записей в дневнике на протяжении всей ее жизни. Пока идет процесс оцифровки архивных дел музея Спегальского, нынешняя заведующая музеем-квартирой Спегальского работает с этими дневниками и надеется, что когда-нибудь в будущем они будут доступны для просмотра на сайте музея.²⁹

Есть еще один потенциальный источник информации, который упоминается здесь только в теоретическом смысле. Речь идет о досье на Спегальского, которое, предположительно, может находиться в закрытых архивах Комитета государственной безопасности (Федеральной службы безопасности) и в обозримом будущем остается недоступными исследователям.

Были несколько периодов, когда Спегальский, несомненно, попал в поле зрения спецслужб. Первый был в 1929-1937 гг., когда он подал документы на поступление в Высший художественно-технический институт. Потенциально серьезной проблемой было то, что Спегальский утверждал, что он из рабочей семьи, хотя на самом деле он был из дворянского сословия, опасная ложь, которая, очевидно, не была раскрыта. Второй период был в 1931-32 гг. когда он был допрошен по поводу дореволюционной деятельности отца³⁰, и третий в 1937 г., когда его отчим был арестован и пропал без вести, а мать и сводная сестра были сосланы в Воронежскую область в период большого террора, «Ежовщины».³¹

Еще период опасности был снова в 1937 году, когда он был вынужден уйти с работы по восстановлению Гремячей башни в Пскове и предъявил властям обвинения в коррупции на стройке. В 1953 году он признался, что в то время его допрашивали в местном отделении НКВД, но без видимых последствий.³²

Наконец, он попал в поле зрения НКВД в 1944-1947 годах, когда в 1944 году был начальником Инспекции по охране памятников по Псковской области³³, а в апреле 1946 года – стал начальником реставрационной мастерской в Пскове³⁴. В этот беспокойный период Спегальский не только отвечал за большие суммы денег и материалов, но и постоянно конфликтовал со своим начальством и другими псковскими властями, которые участвовали в восстановлении города. В конце концов он потерял место в реставрационной мастерской и в конце 1947 года уехал из Пскова. Звучали обвинения в том, что Спегальский направлял официальные жалобы на пьянство, безделье, использование памятников в личных целях и нецелевое использование средств со стороны лиц, ответственных за восстановление Пскова, но они не были подтверждены документально.³⁵ Во всяком случае, несомненно, что в этот период относительного хаоса в Пскове Спегальский мог попасть в поле зрения МВД, но опять-таки без видимых последствий.

Открытие этих относительно мрачных периодов общественной и частной жизни Спегальского придется отложить до более позднего времени, когда настоящим исследователям будет позволено ознакомиться с этими документами в исторических целях.

Однако, если будущим исследователям предоставится доступ к материалам Служб безопасности, частным письмам или личным дневникам, то должны быть приняты меры предосторожности для обеспечения неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности, присущих написанию документов и писем, которые никогда не

²⁹ Личное письмо от Анны Новотроицкой, заведующей музеем-квартирой Спегальского.

³⁰ ЛИИКС. Ф. 38. Л. 9.

³¹ Аракчеева Ж. М. Возвращение. Псковская Правда, 3 февраля, 1993. С. 2.

³² ПГИХМЗ. Ф. 16547/1183(2). Л. 1, № 9.

³³ ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 и 38.

³⁴ ГАПО. Ф. 903. Оп. 1. Д. 209. Л. 109.

³⁵ Штольцер Е. П. Моя работа в Псков. Из воспоминания. Псков, № 14, 2001. С. 33-34.

предназначались для публикации. Не должно быть никаких сомнений в том, что в то время, когда эти документы и письма были написаны, никто из людей, упоминаемых в них, не подозревал, что в будущем их смогут прочитать незнакомые люди, и из них будут вырваны цитаты и опубликованы по любым мотивам, которые могут быть у исследователя. Далее, дело в том, что Юрий Павлович Спегальский и Ольга Константиновна Аршакуни не были и никогда не хотели быть «публичными знаменитостями»; то есть они никогда активно не стремились к славе, выходящей за рамки своей профессиональной деятельности в качестве архитекторов, художников и, как в случае с Юрием, в качестве реставратора древних памятников. Поэтому исследователи всегда должны тщательно балансировать между «потребностями истории» и правами, зарезервированными за людьми, которых уже нет в живых, должны исследовать свои собственные мотивы для публикации личных информации и, прежде всего, защищать неприкосновенность частной жизни, на которую имеет право каждый человек.

Для следующего поколения исследователей расширение знаний о прошлом станет более удобным и управляемым, чем когда-либо прежде, поскольку они будут иметь доступ к оцифрованным документам в музеях и архивах, которые можно будет просматривать из любой точки мира. Но в то же время полезные документы останутся похороненными в пыльных папках в редко посещаемых архивах и библиотеках, а разоблачительные письма и фотографии будут лежать спрятанными в коробках забытой семейной истории. Все это и многое другое должно быть выяснено, изучено и распространено теми исследователями, которые принимают вызовы и награды документирования и прославления жизни и наследия уникально талантливого художника, ученого, верхолаза, каменщика, архитектора и реставратора древних архитектурных памятников Пскова, Юрия Павловича Спегальского.

13 сентября 2024 г.

Перевод с английского: автор

Редакторы/корректоры: И. Б. Голубева и А. Новотроицкая